Я тебя породил…

Автор:
Анастасия Валеева

Я тебя породил…

Анастасия Валеева

Седьмая линия #7

Дочь директора охранного агентства погибла при пожаре. Но появились сомнения, что в морге – ее труп. Тогда – кто убит и где сейчас находится девушка? Ответить на эти вопросы берется ясновидящая Яна Милославская.

Анастасия Валеева

Я тебя породил…

ГЛАВА 1

Жара стояла немилосердная, но Яна не ощущала ее. Двор у хозяйки, у которой она поселилась, сверху сплошь был затянут виноградными лозами, не пропускающими кровожадные лучи. А на пляже, у воды всегда освежал легкий морской бриз. Слишком влажный воздух, столь непривычный для волжанина, был единственным климатическим неудобством.

Яна Милославская с наслаждением предавалась долгожданному отдыху. Уже несколько лет она никуда не могла вырваться из своего городка. Зимой, конечно, были периоды покоя, а летом, как назло, наваливалась работа, отказаться от которой означало ограничить себя весьма во многом.

Первые два дня Милославская, можно сказать, вообще не выходила из воды. Ее слишком утомила двухсуточная езда в раскаленном тридцатипятиградусным зноем вагоне и теперь хотелось охладиться до мозга костей. Билет она брала заранее и – согласно своим правилам – в вагоне люкс. Однако оказалось, что этот люкс в главном не отличался от обычной плацкарты – кондиционер упорно не работал до самого пункта назначения.

На третий день после утреннего купания Яна решила обследовать поселок, который совсем не стыдно было назвать городом. Она бродила по обрамленным пальмами улицам, фотографировалась возле особенно понравившихся мест, в большинстве своем это были растения: алоэ-столетник, кипарисы, юкка и многие другие, названия которых она не знала.

Вечером Милославская посетила одно симпатичное кафе, похожее на какое-то бунгало на необитаемом острове: над каждым столиком была приспособлена крыша из длинных пальмовых листьев, создающая ощущение шалаша и какой-то девственности мироздания. Яна пробовала разное вино, без которого не бывает отдыха на юге и, остановив свой выбор на «Изабелле», даже спела пару любимых песен-караоке. Публика, всегда окружающая такие места, похоже, не осталась в восторге, а вот самой женщине понравилось.

Следующий день она посвятила экскурсии в горы. Побывала в Самшитовой роще, не особенно-то удивившей ее, и в Волконском ущелье, где кроме ледяной влаги водопада отведала еще и «зелья» из сероводородного источника. Иначе назвать его было невозможно, поскольку испускаемое целебной водой зловоние создавало, скорее, ощущение чего-то смертоубийственного.

Потом были Аквапарк в Небуге, Дельфинарий, вечерняя экскурсия по Сочи и опять море, море, море…

Но все это осталось позади. А теперь Яна Борисовна, имеющая полное право гордиться ровным золотистым загаром, сидела на чемоданах у порога собственного дома и нежно гладила свою любимицу, среднеазиатскую овчарку Джемму, которая никак не могла нарадоваться возвращению хозяйки. Джемма, в отличие от похорошевшей Милославской, похудала и осунулась, хотя ее «временная» хозяйка, одна из соседок Яны, строго соблюдала все оставленные ей наказы по уходу за животным. Учитывая возникшее за несколько лет чувство привязанности и взаимного понимания между вернувшейся с юга женщиной и ее

питомицей, можно было смело заключить, что Джемма просто истосковалась.

– Ну идем, идем, – протянула Милославская, теребя шерсть собаки, начавшей скребсти когтями входную дверь.

Яна достала ключи и, сделав два оборота в каждом из замков, очутилась в родных пенатах. На нее сразу пахнуло чем-то знакомым, но непривычно безжизненным. Полы и мебель покрылись заметным слоем пыли, листья цветов поникли, хотя, уезжая, Милославская и создала им влажную атмосферу и водоподпитку согласно книжным рекомендациям.

Женщина сразу прошла к окнам и раздвинула затемняющие шторы. Солнце, мгновенно просочившееся внутрь помещения, сразу вдохнуло в него жизнь. На кухне вдруг раздался грохот. Инстинктивно Яна бросилась туда.

Джемма стояла, опершись передними лапами на рабочий стол и виновато смотрела на свою хозяйку.

– Что ты разгокала? – произнесла Милославская и огляделась.

Серебряная джезва, сброшенная собакой, закатилась в самый дальний угол.

– Ах ты заботливая моя! – рассмеялась Яна. – Ну давай, давай пить кофе!

Джемма была невероятно сообразительным животным. Эту чистопородную двухгодовалую среднеазиатскую овчарку Яне некогда привезли из Туркмении. Теперь хозяйка и питомица души друг в друге не чаяли, и последняя выражала свою любовь постоянной готовностью защиты. Джемма, будучи очень крупной, вполне могла справиться со взрослым человеком, что неоднократно уже происходило. Собака знала все привычки Милославской, ее потребности и привязанности, в том числе и безудержную любовь к собственноручно приготавливаемому ею кофе, который она варила в той самой незаменимой серебряной джезве.

Яна встала на цыпочки и, порывшись в навесном шкафу среди прочих продуктовых припасов, отыскала пакетик с молотыми кофейными зернами. Глянув на поскуливающую в сторону кофемолки Джемму, она сказала:

– Это не понадобится, тут еще кое-что осталось, – и потрясла перед собакой пакетом.

Через несколько минут Милославская уже сидела в кресле с чашечкой дымящегося ароматного напитка и с печальным отсутствием энтузиазма оглядывала свое жилище. Помимо ревизии чемоданов, ей предстояло провести генеральную уборку во всех комнатах, чего после многодневного расслабления ей определенно не хотелось.

– Теперь самый раз в душ… – удовлетворенно протянула разомлевшая женщина и нырнув ногами в мягкие махровые тапочки, отыскавшиеся не без помощи Джеммы, побрела в направлении ванной.

День, казалось, обещал закончиться совсем удачно, если бы Яна, бесчувственно плюхнувшаяся в чистую постель в обнимку с недочитанным в поезде журналом, спокойно дочитала его и забылась в беззаботном сне до самого утра. Однако ей помешало одно «но» – в дверь позвонили.

* * *

В щель между двумя неплотно сдвинутыми шторами Яна видела человека, мужчину, судя по фигуре и прочим видимым невооруженным глазом приметам, уже немолодого. Его тускло освещал фонарь и поэтому Милославская не могла сказать точно, знаком ли он ей. Обнаруживать себя и открывать ей не хотелось, но, как всегда в такие моменты, внутренний голос говорил: «Вдруг это что-то очень важное для тебя и срочное?!». Недовольно вздохнув, женщина поспешила к двери.

– Кто там? – крикнула она с крыльца и в тон ей тихо гавкнула трущаяся о ногу Джемма.

Незваный гость кашлянул и сухо произнес:

– У меня к вам срочное дело. Это очень серьезно.

Мужчина как-то по-военному отчеканивал каждое слово, и Яна даже подумала: «Уж не милиция ли?» Придерживая за ошейник собаку, она отодвинула засов и,

приподняв щеколду, открыла калитку. «Заходите,» – по привычке хотела произнести Милославская.

Однако гость не собирался дожидаться приглашения и переступил границу, опередив слова Яны, чем неприятно удивил ее. Он был в штатском, но хмуро сдвинутые густые брови и сурово поджатые губы придавали его виду что-то воинственное. У него сильно выступало большое, арбузообразное пузо, вкупе с маленьким ростом делающее мужчину банально похожим на колобка. «Нет, он не военный, и не мент, – про себя отметила Яна, оценивающе оглядывая гостя, – начальник какой-то, бывший коммуняка, наверное.»

– Куда тут у вас? – спросил он, вытирая пот со лба большим клетчатым платком.

Милославская посчитала ситуацию не вполне подходящей для проявления гостеприимства, поэтому преградила мужчине дорогу и строго спросила: «Что вам нужно?»

– Ваша профессиональная помощь, что же еще! – удивленно ответил гость, пожав плечами.

– Ах, вы всего-навсего клиент… – вздохнув, разочарованно протянула Милославская.

* * *

Деятельность, которая заменяла Яне уже несколько лет обычную работу, была, мягко говоря, не вполне обычной, поэтому клиенты могли явиться к ней в любое время суток. Она уже забыла, что такое традиционные выходные суббота-воскресенье, отпуск, праздники. Все в ее жизни зависело от сложившихся обстоятельств, в том числе и отдых.

Дело в том, что Милославская обладала необыкновенным даром. Он не был дан ей, как некоторым, с рождения, а, как у многих, обнаружился уже в зрелом возрасте.

Яне пришлось пережить клиническую смерть, которая и стала началом ее новой жизни. Несколько лет назад семья Милославских, Яна, ее муж и сын, попала в

серьезную автомобильную катастрофу, после которой в живых осталась только сама женщина. Ее супруг, Саша, и единственный сын, Андрей, погибли. Оставшаяся в живых глубоко переживала случившееся. Мало сказать, что видеть никого не хотелось, не хотелось жить, но изменить ничего уже было нельзя. Вопреки всему, жизнь продолжалась, и возникла необходимость как-то по-новому приспосабливаться к ней.

В этом и помог ей необъяснимый, неизвестно откуда взявшийся и почему доставшийся именно ей дар. Теперь она должна была заботиться не о своих близких, а о людях, которые обращались к ней за помощью. Делала это Милославская посредством гадания на картах, которое было далеко от ответа на вопрос: «Любит – не любит?» Яна помогала найти пропавшего человека, определить убийцу и разыскать его, в общем, основной ее деятельностью являлось раскрытие преступлений и тайн, взять верх над которыми оказывались не в силах другие органы. Отчаявшиеся люди шли к ней.

Милославская редко проводила бесплатные сеансы, хотя в некоторых случаях происходило именно так. Гадание на картах отнимало у Яны слишком много сил, выкачивало жизненную энергию. Больше двух карт из колоды экстрасенс использовать не могла, а потом и вовсе чувствовала себя, как выжатый лимон. По этой причине совмещение какой-то работы с гаданием оказалось невозможным. Коммунизм мы, как ни старались, построить не смогли, а потому необыкновенной Яне, как и простым людям, все приходилось получать только в обмен на деньги. Разумеется, чтобы стать их обладательницей, следовало найти какой-то способ заработка. Вот и приходилось Яне брать за свои услуги определенную плату.

Размер ее зависел от конкретной ситуации. В каких-то случаях она была чисто символической, а где-то и довольно внушительной. Это зависело от сложности дела, от того, насколько туго был набит кошелек клиента и от многих других факторов.

Карты Яны был далеки от обыкновенных игральных как по своим свойствам, так и по внешнему облику. По зову сердца она изготовила их сама. Взяла картон, вырезала прямоугольники одинакового размера и нарисовала на них символы, диктуемые ей свыше. Милославская никогда не обладала талантом художника, но здесь словно сами собой появились причудливые символические изображения, напоминающие больше авангард, чем классику. Так же таинственно возникли и названия карт: «Чтение», «Взгляд в будущее» и другие.

Когда возникала необходимость, Яна ложила ладонь на карту и тут… ее посещало видение. Оно далеко не всегда было отчетливым и далеко не всегда смысл его расшифровывался сразу. Приходилось подключать умственные способности, логику. Судя по всему, что-то подобное предстояло Милославской испытать и теперь. Во всяком случае под профессиональной помощью она всегда подразумевала именно это.

* * *

– Хм, всего-навсего, – ухмыльнулся гость, самолюбие которого было, вероятно, уязвлено.

– Извините, если я вас чем-то обидела, – сочла нужным сказать Яна, – но я неважно себя чувствую.

– Неважно?

– Неважно для того, чтобы работать, общаться с клиентами.

– Ваше самочувствие покажется вам раем по сравнению с моим. Идемте, – мужчина взял Милославскую за локоть, – я же сказал, это архиважно. Не здесь же, в самом деле…

Гадалка посмотрела прямо в глаза мужчине. Она увидела в них что-то такое, что не позволило ей отказать ему. Яна вздохнула и молча зашагала в дом.

Здесь, при свете, мужчина получше рассмотрел ее. «Обыкновенная, – было его первой мыслью, – как все бабы». Милославская, в домашнем халате, из под которого бессовестно выглядывал край кружевной ночной рубашки, не произвела на него сразу должного впечатления.

Оставив гостя наедине с самом собой, Яна удалилась, чтобы привести себя в порядок. Она никого не ждала и на самом деле выглядела так, как может выглядеть любая женщина, принявшая душ и готовящаяся отойти ко сну. Гадалка быстро сменила халат на свободное, длинное, до самых пят, прямое платье на тонких бретелях, распустила волосы, замотанные на макушке

полотенцем в виде чалмы, и предстала перед гостем в ином обличье.

Он посмотрел на нее и на некоторое время застыл в таком положении, как зачарованный. Но не красота пленила его. Он вдруг почувствовал, что эта женщина на самом деле несет в себе что-то нереальное, таинственное, то, от чего все остальные люди, так же, как и он, далеки. Его вдруг ослепил блеск черных, как сама смола, волос, отразившийся в таких же фантастически черных глазах и вырвавшийся наружу с энергией двойной магической силы.

– Не соскучились? – желая теперь создать атмосферу гостеприимства, произнесла Милославская.

Скучать гостю было некогда, поскольку во время отсутствия хозяйки он всецело был поглощен изучением нестандартного интерьера Яниного кабинета. То, что он нестандартный, мужчина заключил сразу же, когда увидел стоящее напротив старинное кресло со спинкой из темной бронзы. Сам он величаво восседал на диване, обитом дорогим зеленым бархатом. По-настоящему удивиться его заставил изумрудный ковер с вышитыми катренами Нострадамуса и очень дорогая и ценная статуэтка египетской кошки. Милославская, столь глубоко поразившая воображение мужчины, смотрелась в окружении всего этого вполне гармонично.

– А? Не до скуки мне, – наконец очнувшись, произнес гость.

Яна выжидающе молчала, зная, что дальше последует разъяснение того, зачем, собственно, пожаловал к ней этот клиент.

– Кстати, я не представился, – оторвав глаза от пола, произнес мужчина, – Незнамов Дмитрий Германович.

– Я тоже, – парировала гадалка, намереваясь назвать свое имя, однако гость перебил ее.

– Не стоит. Я знаю, как вас звать. Наслышан от одного из своих знакомых.

– Вот как? – Яна опустилась в то самое старинное кресло и тряхнула головой, спустив волосы за спину с плеч.

– У меня дочь пропала, – печально произнес Незнамов и что-то новое, доселе незаметное пронзило его суровое лицо.

– Вы обращались в милицию? – сразу перешла к делу Яна.

На лице мужчины появилась кривая улыбка.

– Нет, – с усмешкой произнес он.

– Сколько времени прошло со дня исчезновения?

– Около полутора суток.

– Ну да, она начинают поиски после трех дней отсутствия человека, – понимающе произнесла Милославская и кивнула.

Незнамов как-то болезненно поморщился и сказал:

– Да дело даже не в этом!

Мужчина замолчал.

– Будьте откровенны! – закуривая, произнесла Яна. – Это в ваших же интересах. А конфиденциальность со своей стороны я вам гарантирую.

Незнамов полностью откинулся на спинку кресла, расслабил туго завязанный клетчатый галстук и пояснил, гладя куда-то в потолок:

– Я директор крупной охранной фирмы, очень популярной в нашем городе, бывший полковник КГБ. Я знаю, что органы станут искать пропавшего человека только по истечении трех суток после его исчезновения. Но ведь я, имея большие связи, мог бы и поднажать на них, однако не делаю этого, – Незнамов ненадолго замолчал, а потом продолжил: – Представьте, как будет выглядеть человек, считающийся влиятельным, в том числе и в криминальных кругах, в глазах своих знакомых, обратившись в милицию. Я не хочу прослыть беспомощным лохом!

– Но амбиции порой только вредят нам, – тихо произнесла Яна.

– Только не в данном случае, – раздражаясь, заметил Незнамов. – За час до решения обратиться к вам, я понял, что сам не в силах решить эту проблему, но признаваться в этом другим – значит расписаться в собственной слабости. И тогда – прощай годами нажитый авторитет!

Яна пожала плечами, не понимая глупого, на ее взгляд, упорства этого человека, а потом спросила:

– Почему вы решили, что ваша дочь непременно исчезла? Возможно, она захотела посетить кого-то из родственников.

– Кого? – Дмитрий Германович вновь зло усмехнулся. – У нас нет никого в этом городе.

– Ну так в другой уехала, – гадалка развела руками.

– К кому? – тем же тоном произнес гость. – У нас с ней никого на всем белом свете. Дед ее, правда, мой отец, жив. Обитает где-то, кажется, в Ветлуге. Но я не поддерживаю с ним отношений. Я еще мальчишкой был, когда он бросил нас с матерью, сбежав с девкой моложе себя на десять лет на другой конец страны. Он всю жизнь скрывался от алиментов. Я по своим каналам его разыскал, узнал все о нем. Так, ради любопытства…

– Но у вашей жены, матери девочки…

– Матери девочки нет в живых с момента ее рождения, – прервал Яну Незнамов. – Я один ее воспитываю. Родственники по этой линии только дальние. Галюся их не знает и никогда не интересовалась ими.

– Галюся это кто? – виновато переспросила гадалка.

– Галюся? Дочка моя. Я так ее с детства называл. Галька она, Галина. В честь жены назвал. Но как увидел ее маленькую, красную всю, сморщенную, так язык не повернулся ее именем мертвой уже красавицы назвать. Какая ж ты Галина, говорю, Галю-уся!

Лицо Незнамова просветлело, но у любого другого при этих словах и слеза, наверное, навернулась бы. Но это же бывший КГБшник, раньше ему сентиментальности не полагались по роду деятельности, а теперь он, вероятно, разучился чувства свои показывать.

– Да… – вздохнув, произнес мужчина, – жена умерла в роддоме. По причине чужой оплошности. У нас же халатность на каждом шагу! Доктора там, конечно, как и везде, мастера новые истории болезни состряпывать. Написали ей все с чистого листа. Мол, угроза жизни была с самого начала. Но не того напоролись! Я их всех наизнанку вывернул и до истины добрался. Наказали виновницу. Но человека-то не вернешь уже.

– Сочувствую, – сказала Яна. – А к друзьям Галюси вы обращались?

– Я не особенно-то в курсе ее личной жизни, – опустив глаза, сказал Незнамов. – Признаюсь, между нами никогда не было близких отношений. Я слишком занят. У меня просто не находилось времени вникать в то, чем живет Галюся и чем интересуется. Но, по-моему, близких друзей у нее не было. Так, приятели. Одно могу сказать точно – без моего ведома она никогда не покидала дома надолго, а о визите к кому-то на ночь вообще речи быть не могло!

– Вы исключаете то, что причиной ее исчезновения могли быть друзья? – спросила Яна.

– Да, это исключено! С детства я приучил ее не водить дружбы с людьми сомнительной репутации. Необходимыми условиями приятельских отношений были хорошая семья, достойное поведение, манеры, обеспеченность, в конце концов.

Милославская удивленно подняла брови, но ничего не сказала. Она решила расспросить Незнамова подробнее о его личной жизни, о сфере деятельности, чтобы определить для себя направление поисков. Дмитрий Германович отрицал, что причину исчезновения Галюси надо искать в ее окружении, значит следовало заняться им самим. Напрямую заявив об этом Незнамову, она вопросительно посмотрела на него.

– Сколько я вам должен заплатить? – ответил клиент вопросом на вопрос и достал из маленькой кожаной барсетки пухлый потертый кошелек.

В раздумье постукав по столу кончиками пальцев, Милославская без обиняков назвала ему круглую сумму. Не медля ни минуты, Незнамов смочил слюной свой указательный и вскоре перед Яной появилась пачка зеленых.

– А теперь вот что, – сердито произнес Дмитрий Германович, – хочу на корню пресечь подобные вопросы. Это не ваше дело. Ваше дело – гадать и найти мою дочь как можно быстрее. Именно за это я вам плачу. А любители покопаться в чужом белье называются частными детективами. Как видите, я обошел их своим вниманием.

Яна была оскорблена такой резкостью и первый эмоциональный порыв призывал ее отодвинуть деньги, лежащие на столике. Незнамов все еще крутил в руках свой кошелек. Милославская невольно сравнила его со своим, изрядно похудевшим после поездки на юг. Она отдыхала, как говорится на полную катушку, ни в чем себе не отказывала, и теперь, само собой разумеется, не мешало бы восполнить затраты.

«Да возымеет верх над всем остальным мудрость!» – мысленно сказала она самой себе, а чтобы остыть, в уме сосчитала до десяти и только потом посмотрела на Незнамова.

– Ну что ж, тогда всего доброго, – сказала она ему. – Я должна хорошо выспаться, чтобы полной сил взяться за ваше дело.

– Вы что же заставите меня сейчас уйти с пустыми руками? Ничего мне не скажете? Не попытаетесь начать распутывать этот узел? – изумленно протянул ее клиент.

– Утро вечера мудренее, – сказала ему Милославская и встала с кресла, давая понять, что и Незнамову пора честь знать.

Он тяжело поднялся с места, явно недовольный таким исходом разговора, поправил галстук и засеменил к двери, преследуемый взглядом начавшей уже дремать Джеммы.

На улице его ждал автомобиль, который Милославская сразу не заметила, потому что он был покрыт тенью от освещаемых фонарем огромных ветвей дуба,

росшего с неизвестных времен около Яниного дома. Гадалка поселилась здесь не так давно. Дом тогда не представлял из себя ничего особенного и, судя по всему, был значительно старше новой хозяйки, однако по сравнению с дубом и он казался младенцем.

Теперь Милославская, наверное, и не смогла бы объяснить, почему она выбрала для жилья именно это место. Не сказать, чтобы она на момент поиска жилья располагала внушительными средствами, но купить что-либо поприличнее было в ее силах. Старая скрипучая калитка на ржавой пружине, огромная металлическая щеколда – от всего этого веяло старыми добрыми временами, когда Яна была совсем еще девчонкой. Может быть, это и повлияло на ее выбор… К этому времени, здесь, конечно, многое изменилось.

Проводив гостя, Яна выпила чашку кофе, выкурила пару сигарет и улеглась наконец в постель. Ее не мучили раздумья о пропавшей незнамовской дочери, о нем самом, об их взаимоотношениях. Она просто отодвинула все это в сторону, решив дожить этот день спокойно, а с утра уже взяться за дело. Воображение все еще рисовало ей недавнюю картину морского прибоя; Яна, казалось, отчетливо слышала крики чаек, чувствовала дуновение теплого южного ветра, и первые предвестники сна уносили ее куда-то далеко-далеко от земной реальности.

ГЛАВА 2

Человеческий глаз, в зрачок которого направлялись из неизвестности два энергетических луча, а вокруг всего этого – темнота… Перед Милославской лежала карта «Взгляд сквозь оболочку». Именно ею гадалка решила воспользоваться, потому что «Взгляд сквозь оболочку» помогал определить настроение человека и его стремления.

На самом деле, это для дальнейшего продвижения было очень важно. Каковы стремления того, кто, вероятно, похитил девушку, каков его настрой?

Милославская, как она это обычно делала, положила на карту свою ладонь и замерла в ожидании, сосредоточив все мысли на только на одном. Где-то в дальнем углу комнаты мерно тикали часы, приводя и ее внутреннее состояние к

гармонии. Джемма лежала на коврике у порога тихо, стараясь не мешать хозяйке ни малейшим движением. Казалось, она даже смущалась своего невольного сопения.

С улицы то и дело доносились детские крики. Кто-то свалил в конце улицы огромную кучу песка, дав местной ребятне возможность вдоволь позабавиться. Сначала это отвлекало гадалку, но потом, убаюкиваемая тишиной своего дома, она перестала их замечать, и знакомое тепло наконец стало растекаться по ее телу.

Потом ею овладело состояние, похожее на сон. Что-то происходило вокруг помимо нее, где-то вдалеке, и у нее не было желания присмотреться, прислушаться к этому. Яна медленно проваливалась в огромный котлован; она плавно опускалась в него, приближаясь от реальности к чему-то другому, готовому открыться ей.

Однако где-то посреди этого котлована Яна остановилась. Она подумала, что начавшееся видение обрывается, ничего не обнажив перед ней. Так бывало нередко, и Милославская всегда изначально была готова к такому финалу гадания. Однако вскоре она все же поняла, что и ей предоставилась возможность наблюдать за происходящим свысока.

Она видела картину, опутанную чем-то похожим на туман или облака. Вскоре сквозь эту белую мглу стали проглядывать очертания огромных металлических резервуаров. «К чему это?» – говорил внутри Яны какой-то внутренний голос, и она еще больше сконцентрировала энергию, чтобы извлечь из видения его настоящее ядро.

Вскоре она увидела, что резервуары наполнены какой-то жидкостью, а секундой позже Милославская вдруг почувствовала резкий запах бензина. Он ударил в нос и заставил ее вздрогнуть, а затем… очнуться.

Яна лежала в своей постели. Она взялась за гадание сразу же, как только проснулась. Милославская хорошо выспалась, но сейчас она чувствовала себя так, словно вовсе не ложилась. Тело сковала нечеловеческая усталость, голова налилась тяжестью так, что ее трудно было оторвать от подушки. Сеанс высосал из нее максимум энергии, и гадалка внутренне негодовала по этому поводу. Ведь ничего существенного ей так и не открылось. Более того, она вообще не

понимала, какое отношение могут иметь резервуары к исчезновению дочери Незнамова.

Отодвинув колоду в сторону, Милославская взяла в руки тот самый недочитанный журнал и стала листать его. Чтение глупых статеек, содержание которых в основным составляли советы дамам, не способным найти собственное решение в той или иной ситуации, всегда доставляло Яне удовольствие. Она наслаждалась не тем, что находила в них что-то полезное для себя, а тем, что сочинения незатейливых авторов не требовали от нее никаких раздумий и напряжений мысли. Она читала и все, проглатывала информацию и тут же забывала о ней. Единственное, над чем приходилось размышлять – почему такая белиберда пользуется такой бешеной популярностью.

Провалявшись так в постели около часа и в некоторой степени восполнив потерянные силы, Милославская решила, что пора, наконец, и честь знать. Она стала нащупывать ногами около кровати в поисках своих тапочек. Их там определенно не было. Тогда Яна несколько раз крикнула Джемму, большую мастерицу по такого рода поискам. Собака не отзывалась. Гадалка поднялась на ноги и подошла к окну. Овчарка в порыве азарта гонялась из одного угла двора в другой, пытаясь поймать ловко увиливающую от нее пушинку и дразняще опускающуюся у другого конца дома. Умиляясь забавам своей любимицы, Милославская улыбнулась и побрела по коридору.

Джемма уже давно научилась самостоятельно справляться с металлической задвижкой, на которую Яна обычно запиралась на ночь, и теперь, как уже несколько раз, самовольно выбралась во двор. Ее, наверное, распирало желание порезвиться, побегать, и, не смея беспокоить хозяйку, она решила удовлетворить свои потребности без ее участия.

Приняв душ и сделав несколько глотков кофе, Милославская почувствовала себя лучше. Она сидела, закинув ногу на ногу, помешивала ложечкой горячий напиток и оценивающе разглядывала свою кухню. Ей вдруг захотелось что-нибудь переменить в интерьере, передвинуть мебель, купить новые аксессуары в конце концов. Фантазируя и представляя себе новую, более уютную и комфортную комнату, гадалка зарядилась еще большей энергией. Она взяла в руки карандаш и листок бумаги и стала делать наброски, уже вообразив себя настоящим дизайнером.

Неожиданно со двора донесся оглушительный собачий лай, заставивший Яну Борисовну не просто вздрогнуть, но и вскочить на ноги. Она посмотрела в окно и стала сетовать на Джемму, поскольку она подняла такой шум по пустякам. Собака скребла когтями по почтовому ящику, сообщая о том, что принесли почту.

– Джемма! – раздражаясь, строго крикнула Милославская в форточку, но овчарка была неумолима.

Удрученно вздохнув, Яна тяжело зашагала к выходу. Джемма завиляла перед ней хвостом, ожидая похвалы за проявленную сообразительность. Однако хозяйка молча прошествовала мимо, удостоив любимицу только укоряющим взглядом.

– И ради этого ты меня подняла с места? – вопросительно воскликнула гадалка, размахивая перед носом ничего не понимающей Джеммы стопкой газет. – Да, принесли почту. Но здесь ничего серьезного! Рекламные газетки!

Яна развернулась и торопливо зашагала по двору. Джемма по тону догадалась, что чем-то не угодила хозяйке и, поджав хвост, побежала за ней, а затем, свернувшись колечком, легла на крыльце, нагретом солнышком.

Милославская бросила газеты на журнальный столик и взялась за сигареты. Она стала искать глазами пепельницу, и взгляд ее невольно упал на яркое рекламное объявление, совершенно неожиданно оказавшееся резюме охранной фирмы. «Это мне близко,» – промелькнуло в голове гадалки, и она вспомнила про Незнамова, про все, что он говорил ей.

– Вот это да! – воскликнула она. – Вот так совпадение! Это же реклама его агентства!

Яна затушила недокуренную сигарету и взяла в руки верхнюю газету, чтобы получше рассмотреть рекламу. В черной, как все другие, только потолще, рамке красовались схематические рисунки разных, судя по всему, охраняемых незнамовским охранным бюро объектов. Внизу жирным курсивом были напечатаны громкие слова о высоком качестве предлагаемой охраны.

– От скромности не умрет, – пробормотала Милославская, вновь прикуривая.

Она думала о Незнамове и, сама того не замечая, все еще смотрела в газету. Вдруг что-то на одном из рисунков показалось Яне удивительно знакомым. Резервуары из видения! Да, это были именно они. Невольно сердце Милославской заколотилось в два раза чаще. Нет, ненапрасно потратила она свою энергию. Вот он, подтекст видения! Да, но какая связь между исчезновением девушки и этими резервуарами? Загадка…

Гадалка еще пристальнее посмотрела на рекламу и заметила под каждым из рисунков мелкую подпись. Под резервуарами значилось: «Нефтебаза». Так вот что было внутри резервуаров из видения, вот к чему он, этот запах бензина! Все-таки, карты ее не обманывали, копать следовало в этом направлении.

Но почему Незнамов в разговоре не обмолвился ни о чем подобном? Это Яну Борисовну удивляло. Безусловно, ответ на этот вопрос мог дать только он сам. Отодвинув все то, что ее окружало в сторону, Милославская твердо решила отправиться ни куда-нибудь, а именно в офис к Дмитрию Германовичу и, несмотря на его резкий ответ на вопрос подобного рода, попытаться вызвать его на разговор более откровенный.

Таким низменным и мелким казалось Яне теперь ее недавнее желание изменить кухню, что-то там творить с мебелью, аксессурами, и она порвала в клочки свой незаконченный «дизайнерский» рисунок.

Офис, особенно офис Незнамова – место официальное, люди там все деловые. Именно это Милославская взяла на вооружение, копаясь в своем гардеробе. Ей следовало учесть и стоящую на улице жару, поэтому подобрать наряд оказалось не так-то просто. Он должен был быть делового, классического стиля и одновременно легким. Отдав наконец предпочтение шелковому брючному костюму, Милославская поклялась себе по окончании дела совершить тур по магазинам и восполнить неожиданно выявленный недостаток своего гардероба.

Заколов шпильками волосы на самой макушке, Яна вслух заключила, что выглядит вполне сносно, а в глубине ее души прозвучало: «Класс!»

Учуяв запах знакомых духов, Джемма стала скулить под дверью, заинтересованная намерениями хозяйки. Яна впустила ее, а на вопрошающий взгляд ответила:

– Ты остаешься дома! Будешь дом охранять. Я, может быть, вернусь не скоро. Веди себя хорошо!

Вслед за этими словами Милославская открыла один из кухонных шкафов, достала оттуда огромную пачку «Чаппи» и доверху наполнила давно опустевшую миску Джеммы. Собака тут же накинулась на еду, не удостоив гадалку даже взглядом. Яна знала, что Джемме обидно оставаться дома, когда она может проявить себя «во всей красе». Но ничего серьезного или опасного, требующего вмешательства Джеммы пока вроде не предвиделось, а таскать ее за собой без всякой надобности означало только лишние неудобства, поэтому Милославская все же сделала так, как решила и заперла дверь на ключ со стороны улицы, оставив Джемму в гордом одиночестве.

Собака знала, что ее хозяйка не любит, когда ей искуственно давят на чувства, поэтому даже скулить не стала. Наевшись «Чаппи» в буквальном смысле до отвала, она легла на бок прямо около чашки и надолго уснула в таком положении.

Частный сектор, в котором проживала Яна Борисовна, находился довольно далеко от шоссе, поэтому ей пришлось минут пятнадцать пройтись пешком, прежде чем она добралась до места, где можно было поймать такси. Городские рейсовые автобусы сюда сейчас не ходили, а на трамвае до офиса Незнамова ей пришлось бы ехать с двумя пересадками, что само собой разумеется, очень неудобно. Да и вообще, езду в общественном транспорте Милославская считала процедурой, мягко говоря, незавидной, а потому, имея финансовую возможность, в большинстве своем ездила на такси.

Так и сегодня, встав на обочине дороги, гадалка стала голосовать. Вскоре около нее притормозил знакомый синенький «жигуленок». Хозяина его лично она не знала, но он уже не раз подвозил ее. Наверное, проживал где-то в этом районе и был не прочь положить в карман лишнюю копейку.

Мужчина тоже узнал ее и даже кивнул головой в знак приветствия. Он, как, впрочем, и всегда, оказался хмурым и молчаливым, что Яне было только на руку – она добралась до места, посвятив свои размышления только предстоящему разговору.

Незнамову можно было позавидовать: место, в котором находился его офис, внушало уважение. Район, конечно, не центральный, но довольно престижный по местным меркам. Да и здание, где он арендовал несколько комнат для своего агентства оказалось приличным: новенькая высотка с двумя современными лифтами, просторным светлым холлом и мраморными чистенькими лестницами.

Яна, как наверное, и многие другие, невольно, в пользу первого, сравнила это здание с десятками тех, которые ей довелось посетить: низенькими, серыми, обветшалыми, арендаторам которым пришлось немало средств вложить, чтобы сделать свой офис диаметрально противоположным знаменитой каморке Раскольникова.

Остановившись у двойных стеклянных дверей, Милославская раскрыла газетку, которую прихватила с собой. Незнамов не был щедр в рассказе о себе, и поэтому большую часть информации о местонахождении его офиса гадалке пришлось почерпывать именно оттуда.

Миновав половину холла, Яна притормозила у металлической вертушки, за которой у полированного письменного стола на высоком крутящемся стуле восседала очкастенькая старушка в шерстяной безрукавке, надетой поверх шелкового цветастого платья.

Само собой, сидела старушка тут не просто так. И, хотя она не удостоила Милославскую даже взглядом, Яна не решилась сразу пройти через вертушку. Она пытливо посмотрела на бабушку и кашлянула. Та глянула на нее поверх своих выпукло-вогнутых линз, за которыми глаза казались просто мертвыми точками и, отложив в сторону изучаемую ею того газету, хрипло спросила:

– Вы куда?

Гадалка уверенно произнесла название охранного бюро.

– Пропуска у вас, конечно, нету, – поправив очки, сказала старушка. Затем она послюнявила кончики своих коротких кривых пальцев и стала листать какой-то желтый журнал с загнутыми краями страниц. Отыскав среди них нужную, она пододвинула журнал Яне Борисовне и, тыкнув пальцем с самыми раздувшимися в шишки суставами на последнюю строчку, велела ей записаться.

Милославская быстренько начеркала свои данные и, глянув на большие электронные часы, висящие на стене, время, в которое она сюда пожаловала. Старушка вновь уткнулась в газету, и Яна сделала вывод, что имеет право пройти.

Нажав кнопку ближайшего лифта, гадалка стала ожидать его приближения. Ожидание это было довольно волнительным. Милославская все думала, как сложится разговор, как воспримет ее визит Незнамов. Вновь испытать на себе его вчерашнюю резкость ей не хотелось.

Когда двери лифта наконец раздвинулись перед ней, Яна заметила, что рядом уже собралось несколько человек, тоже имеющих необходимость подняться наверх. В основном это были мужчины. Они вежливо пропустили ее вперед и только потом прошли внутрь сами.

Довольно просторное по сравнению с обычными бытовыми лифтами помещение сразу наполнилось запахами дорогих мужских одеколонов и деловыми несмолкающими разговорами. Мужчины непрерывно говорили, когда садились в лифт, когда ехали в нем, когда выходили. Все они были какие-то тучные, с гладко уложенными гелем волосами, в галстуках и отглаженных заботливыми руками рубашках. На поясе брюк у каждого из них крепились или сотовые телефоны, или пейджеры – новый атрибут нашего времени.

Они вышли на третьем, а Яна поехала дальше, до шестого этажа. Только теперь она как следует рассмотрела кабину лифта, на удивление светлую, с зеркалом в полстены и широкими деревянными перилами – для тех, кто устал и желает облокотиться. Езда в пассажирском лифте рядовой городской девятиэтажки с этой, конечно, ни в какое сравнение не шла.

Вскоре гадалка стояла на просторной коридорной площадке и нерешительно смотрела на дверь с нужным ей номером. Из-за нее слышались голоса, скрип передвигаемых стульев, еще какие-то звуки. Яна прислушивалась ко всему этому и придумывала фразу, с которой она начнет свой разговор с Незнамовым.

Неожиданно из соседней двери вышел высокий молодой мужчина с кожаной толстой папкой в руке. Он удивленно посмотрел на замершую в одной позе Милославскую, и ей пришлось наконец дернуть на себя ручку металлической крашеной двери.

Она очутилась в маленьком кабинетике, оклеенном светлыми, почти белыми обоями до самого потолка. За черным столом, перед компьютером, сидела миловидная девушка, вероятно, секретарша. Совсем недавно здесь кто-то разговаривал, а теперь кроме нее никого не было. Как только Яна вошла, девушка привстала и ослепила Милославскую широкой гостеприимной улыбкой, в которой, впрочем, было больше наигранного и искусственного и веяло какой-то американщиной.

– Добрый день, – можно сказать, пропела она и стала ждать объяснений от гадалки.

– Я к Дмитрию Германовичу. Яна Борисовна Милославская, – произнесла, глядя в сторону, Яна.

– У вас с ним встреча? – не переставая улыбаться, спросила секретарша.

– Да, – соврала гадалка.

Девушка стала щелкать кнопкой мышки своего компьютера, очевидно пытаясь найти имя Милославской в распорядке дня своего начальника. Яна тем временем ничего не предпринимала и просто глазела по сторонам. Она заметила слой пыли на жалюзи, недостаточно ровно стоящие вдоль стены стулья, пожелтевшие кончики листьев у маранты, помещенной в дорогой керамический горшок и заключила, что секретарша при всем ее великолепии оставляет желать лучшего.

– К сожалению, вашего имени нет в списке, – с прежним выражением лица произнесла девица. – Сейчас я вас запишу на завтра. В какой половине дня вам удобнее?

– Моего имени там не может быть, – нашлась Милославская. – Это личная встреча. Уверяю, Незнамов ждет меня.

Яна неожиданно для самой себя уверенно зашагала в направлении красивой деревянной двери, ведущей отсюда в другой кабинет. Секретарша, удивленная таким напором, не успела противостоять ей.

ГЛАВА 3

Там, куда попала Яна, посреди комнаты стоял длинный овальный деревянный стол, за которым сидели несколько мужчин и что-то строчили в своих наполовину исписанных блокнотах. Из угла в угол вокруг них ходил Незнамов и, размахивая руками, давал каждому в отдельности какие-то указания.

Увидев Милославскую, он застыл в той позе, в которой находился до этого и удивленно протянул:

– Вы-ы? Зачем вы пришли?

– Я? – парировала гадалка. – Я хочу призвать вас к откровенности.

Незнамов произнес что-то нечленораздельное, затем обвел взглядом своих подчиненных и, сделав отрывистый жест рукой, велел им всем убираться. Секретарша стояла в дверях и виновато смотрела на шефа. Он зыркнул на нее так, что она в ту же секунду испарилась.

Скрипя отодвигающимися стульями, мужчины как-то разом поднялись из-за стола и торопливо стали укладывать в папки, барсетки и прочее то, что лежало перед ними: ручки, блокноты, телефоны и так далее.

Яна стояла на своем прежнем месте и в ожидании смотрела на Незнамова. Он сунул одну руку в карман, второй налил себе в стакан минералки из ополовиненной бутылки, отхлебнул немного, а потом, облизав губы и поджав их, кивнул Милославской и спросил:

– Ну что там у вас?

– Призываю вас к откровенности, – уже не так решительно повторила Милославская.

– К какой? – подняв брови спросил Незнамов и вновь сделал глоток.

Затем он зачем-то стал рассматривать свой стакан, поворачивая его к себе то одной, то другой гранью. Казалось, он увлеченно наблюдал за игрой поднимающихся вверх пузырьков воздуха.

– Вы вчера были слишком немногословны, – отодвинув один из стульев и усевшись на него без приглашения, сказала Яна.

Дмитрий Германович выжидающе молчал, и этим молчанием слишком явно требовал от гадалки более детального объяснения ее столь внезапного визита. Понимая это, Милославская вздохнула и поведала своему клиенту все то, что «выудила» из видения. В частности она заявила, что если Незнамов хочет найти свою дочь и разобраться во всех нюансах исчезновения девушки, то ему стоит присмотреться к проблемам на Нефтебазе, которые наверняка есть.

По мере того, как Яна Борисовна говорила, глаза Дмитрия Германовича все более расширялись. Когда же она закончила, он звучно поставил стакан на стол, поджал губы, уперся указательным пальцем в подбородок и неопределенно промычал:

– Му-гу….

Что это означало, одному богу было известно, но судя по выражению лица Незнамова, Яна предположила, что он доволен ее работой.

– Люся, – позвал он через несколько секунд.

Секретарша тут же зашла в кабинет и одарила шефа подобострастной улыбкой. В руках она держала маленький блокнот, ручку «Паркер» и находилась, как говорится, в полной боеготовности.

Незнамов хмуро глянул на нее и отрывисто бросил:

– Кофе.

По мнению Милославской это означало, что она начинает по-настоящему входить в доверие к Незнамову. Однако Дмитрий Германович не очень-то торопился подтверждать ее предположение еще какими-либо действиями. В

ожидании нового появления Люси, он опять стал расхаживать по кабинету туда-сюда. Отмерив его шагами в одном направлении, Незнамов приостановился и повернул вправо колесико радиоприемника, из которого сразу же полилась монотонная речь не особо одаренного диктора.

Потом он бессмысленно двинулся в обратном направлении, глядя в пол, то ли рассматривая свои начищенные ботинки, то ли отыскивая изъяны на сером дорогом ковре. Яна невольно глядела туда же и считала за добрый знак хотя бы то, что Дмитрий Германович не велит ей убираться. Что это значило? Хотя бы то, что истина в ее видении на самом деле присутствовала.

Наконец в дверях появилась Люся. Она катила пред собой низенький столик, на котором дымились две маленьких чашки разделенные перламутровой сахарницей и маленьким кувшинчиком, очевидно, со сливками.

Люся смешно двигалась вперед, утопая острыми каблуками в высоко вздымающихся ворсинках ковра. Остановив столик посреди кабинета, она подкатила к нему сначала одно кресло, стоящее в дальнем углу, у окна, потом другое. Усилия бедной Люси, испытывающей явные затруднения, не производили на Незнамова никакого впечатления.

Как только она удалилась, он опустился в одно из кресел, а на противоположное молча указал Милославской. Затем Дмитрий Германович поднял чашку, в которой уже и сахар и сливки были размешаны и заговорил:

– Боюсь, вы правы.

Затем он замолчал и сделал глоток. Яна всыпала в свой кофе пару ложек сахара и, осторожно помешивая, спросила:

– У вас на Нефтебазе были проблемы?

Дмитрий Германович пожал плечами и ответил:

– Да, если это можно так назвать. Мне угрожали.

– Давно? – оживившись, спросила Милославская.

– За месяц до исчезновения Гали.

– Значит, есть зацепка! – с оптимизмом воскликнула гадалка.

Однако Незнамов не поддержал ее энтузиазма и апатично произнес:

– У меня слишком много недоброжелателей, чтобы называть виновником кого-то одного из них…

– Но уг…

– И угрозы в мой адрес сыпются не в первый раз.

– Смею уверить, – осторожно заявила Милославская, – что хотя значение моих видений становится понятным не всегда сразу, бессмысленными они никогда не оказываются.

Незнамов поднялся и быстрыми шагами, приблизившись к радио, отключил его.

– Не спорю, – сказал он гадалке, подняв вверх указательный палец.

Затем он сел на место и стал, к огромному удивлению Милославской, поразительно откровенным.

– Питерское, более влиятельное бюро охраны давно требовало от меня «добровольно» передать нефтебазу под их покровительство.

– Но им-то она зачем? – спросила Яна Борисовна, но тут же поняла, что сморозила глупость. – Ах, да, – следом протянула она, – прибыль-то не копеечная… Черное золото… Ну а вы что? Отказались?

– Хм, – ухмыльнулся Дмитрий Германович, – какой дурак захочет потерять кусок, приносящий ежемесячно 400000 рублей? Вон, – Незнамов обеими руками оттопырил коротенькие волосы у себя на висках, – видите сколько седины я нажил, пока у местных эту кормушку отвоевал!

– Вы стали упрямиться?

Незнамов только пренебрежительно скривил рот.

– Питеру надоело вас уговаривать и посыпались угрозы, – продолжила цепочку предположений Милославская.

Судя по всему, она была права. Дмитрий Германович сдвинул брови, сложил на груди руки и сурово проговорил:

– Я надеюсь, вы понимаете…

– Не переживайте, – поняв его с полуслова, ответила гадалка, – конфиденциальность я вам гарантирую. Это не первое мое дело. Никто еще в обиде не остался.

Незнамов хмыкнул. Видимо, ему, такому властному, показалось смешным это «в обиде», тем более со стороны какой-то там Яны Милославской. Уж на нее-то он бы нашел управу.

Немного помолчав, Дмитрий Германович продолжил:

– Проанализировав ситуацию, я решил, что у меня одно уязвимое место – дочь.

– И? – поторопила с ответом задумавшегося Незнамова гадалка.

– И нанял ей телохранителя, – закончил тот.

– И что же не помогло? – удивленно протянула Яна Борисовна.

– Как видите, – раздражаясь, ответил Дмитрий Германович.

– Извините, я сморозила глупость, – сказала Яна, отодвигая от себя пустую чашку.

– Уважаю людей, способных признать свои ошибки, – пробормотал Незнамов и, загибая поочердно пальцы продолжил: – Исчезла Галюся, раз. Телохранитель, два. И БМВ, на которой они ездили, три.

– Вы щедрый отец, – заметила Яна Борисовна, а про себя подумала, что таким образом Дмитрий Германович, очевидно, откупался от дочери, расплачиваясь за отсутствие теплоты и внимания.

– Она уже большая девочка, – махнул рукой Незнамов, – и машина ей была просто необходима.

Милославская посмотрела по сторонам и ненадолго задержала взгляд на рабочем столе Незнамова. Кроме компьютера, стопки каких-то бумаг, органайзера и кое-каких мелочей там стояла фотография формата «девять на тринадцать» в золоченой рамке.

– Это она? – несмело спросила Яна, разглядев на снимке рядом с высоким коротко стриженным парнем в джинсах стройную девушку с огненно-рыжими курчавыми волосами.

– И он, – кивнув, ответил Дмитрий Германович.

– Ее поклонник? – подняв брови, удивленно спросила гадалка.

– Телохрани-итель, – удрученный Яниным предположением, ответил Незнамов.

– М-м, – понимающе протянула Милославская.

Затем она поднялась с кресла, подошла к столу и, не спрашивая разрешения, взяла фотографию, чтобы получше разглядеть ее.

Галюсю она представляла себе совсем не такой, хотя ее облик и был полон взбалмошности, которая так присуща детям, воспитывающимся в семьях, ни в чем не знающих себе отказа. Рыжие ее волосы шапкой лежали на плечах, а на висках сильнее, чем везде, кучерявились и от того смешно торчали в разные стороны. Пронзительно-голубые глаза смотрели вызывающе-дерзко и, казалось, вот-вот сорвется с ярких тонких губ острое словцо.

– Терпеть не могу, когда она так одевается, – произнес Незнамов, подошедший к Милославской сзади и через ее плечо смотревший на снимок.

Яна перевела взгляд на коротенький Галюсин топик, узлом завязанный прямо под торчащими в разные стороны острыми маленькими грудями, и подумала, что одежда девушки вполне соответствует ее возрасту.

– Тем не менее вы выбрали именно этот снимок, – заметила она, повернувшись к Дмитрию Германовичу.

– Я? – ухмыльнувшись, произнес тот. – Да она меня заставила! Не поставишь, говорит, мою фотографию прямо перед своим носом, значит ты меня не любишь! Разве откажешь, когда тут такой ультиматум? И ведь выбрала именно то, что меня раздражает, шантажистка! – Незнамов перенял фотографию у Милославской и с нехарактерной для него теплотой посмотрев на нее, поставил ее обратно на стол.

Яна представила себе отчаяние Галюси, страдающей от дифицита отцовской любви, чем, впрочем, наверное, и был продиктован этот ее поступок.

– Я ее понимаю, – вздохнув, неожиданно для самой себя протянула она.

Незнамову, судя по всему, не понравилось такое «вмешательство» в его личную жизнь и он, резко оборвав реплику Милославской, вдруг сказал:

– Ну вот что! Я требую от вас конкретных результатов!

– А сегодняшняя информация разве… – опешив, протянула гадалка.

– Сегодняшняя информация? Сегодняшняя информа-ация! – вновь заходив туда-сюда заговорил Незнамов. – Беготня по пустякам! Вот как я это называю!

Яна Борисовна, совсем не ожидавшая такого поворота в разговоре, молча хлопала глазами. Резкость Дмитрия Германовича, вероятнее всего, была продиктована тем, что его задели за больное.

– Я даже до сих пор не знаю, жива ли моя дочь! – сотрясая обеими руками перед Милославской, воскликнул Незнамов.

Понимая, что в последнем клиент прав, гадалка села за маленький столик и стала копошиться в своей сумочке.

Незнамов замолчал и удивленно уставился на нее. Буквально в следующий миг Милославская извлекла из внутреннего кожаного кармашка сумки свою заветную колоду.

ГЛАВА 4

– Боже мой! Люся! Люся! – кричал Незнамов, расплескивая льющуюся через край минералку. – Господи! Что делать-то? Черт возьми! Люся! Где у нас аптечка?

Состояние Яны Борисовны, в которое она впала вскоре после того, как положила руку на одну из карт, ввело Дмитрия Германовича в настоящий шок.

Достав колоду, Милославская веером развернула ее перед собой. Это произвело на ее клиента большое впечатление. Чувствуя собственную причастность к совершению чего-то таинственного и необыкновенного, он тут же переменился и притих. Вся спесь разом сошла с него. Спокойно сев на краешек кресла, он стал пристально наблюдать за дальнейшими действиями гадалки.

– «Царство живых», – объявила она, повернув к нему одну из карт лицевой стороной.

Незнамов вытянул голову вперед и прищурился, рассматривая причудливые символы. Чуть впереди круглой арки, увенчанной по краям двумя фонарями, стояла длинноволосая красавица, держащая в руках что-то одновременно похожее на огонь и на змея. Удивившись такому нестандартному для карт рисунку, от которого веяло каким-то холодом, Незнамов брезгливо отшатнулся, а на лице его словно было написано: «Чур меня!»

Ничего более не говоря, Милославская положила карту себе на колени, а ладонь на карту. Ей сразу же захотелось закрыть глаза, и она сделала это.

На этот раз ничего, похожего на тепло, гадалка не почувствовала. Около двух минут она находилась в обычном своем состоянии, а потом как-то неожиданно перед ней замелькали лица, смеющиеся, плачущие, удивленные, разные. Общее у них было одно – от всех их веяло теплом, жизнью. Они появлялись и исчезали, одно за другим. И это нельзя было сравнить с прокручиваемой кинопленкой: все происходило гораздо быстрее, просто молниеносно.

Вдруг где-то вдали показалась и в тот же миг исчезла знакомая Яне огненно-рыжая копна. Это была она, Галюся. В тот же миг все оборвалась, и Милославская стала постепенно «возвращаться к жизни».

Первое, что она увидела, были Незнамов, стоящий перед ней на коленях со стаканом минералки в руках, и Люся, тщетно пытающаяся дрожащими руками извлечь таблетку валидола из упаковки. Рядом, на столе, валялась пустая аптечка и горкой лежали высыпанные из нее лекарства.

– Фу! – облегченно протянул Незнамов, увидев, что Яна Борисовна открыла глаза. – Вам плохо? Сердце? Скорую?

– Нет, – Милославская улыбнулась, – ничего не надо. Это обычное явление.

– Вы… – выпучив глаза, шепотом произнес Незнамов, – Вы – эпилепсик?

– Нет, бог миловал, – ответила Яна и приняла нормальное положение.

В тот момент, когда гадалка приступила к сеансу, она слегка откинулась на спинку кресла, а когда видение началось, тело ее и вовсе расслабилось, обмякло. Перепугавшись, Дмитрий Германович окликнул ее, но она не отозвалась ни тогда, когда он стал трясти ее, ни тогда, когда предпринял попытку сделать искусственное дыхание. Во время гадания вся энергия Милославской словно сосредотачивалась в одной точке, покидая все остальные участки тела.

– Я нередко впадаю в такое состояние во время сеанса, – сказала гадалка своему клиенту.

– Что же… Что же вы не предупредили? – возмущенно воскликнул он, тяжело поднимаясь с колен.

– Не думала, что это так вас напугает.

– Люся, – обратился Незнамов к секретарше, – убери все, ничего не надо, и протянул ей стакан, который все еще держал в руке.

– Нет-нет, – остановила его Милославская, – минералки я, пожалуй, выпью. В горле пересохло.

Несчастная Люся, находящаяся в полном недоумении относительно происходящего недвижно застыла на некоторое время в одной позе, а потом вдруг проглотила ту самую таблетку валидола, которую ей все же удалось выковырять.

– Убери все! И сама убирайся, я сказал! – заорал на нее Незнамов, смущенный ситуацией, в которой оказался.

Люся поспешно покидала все в аптечку и, пошатнувшись, удалилась. Дмитрий Германович отер лоб собственным галстуком и, как ни в чем не бывало, важно произнес:

– Ну так вы не сказали мне самого главного. Жива моя дочь или нет?

– Жива, – кивнув, тихо ответила Яна.

– Я рад успокоиться хотя бы этим, – пробормотал Незнамов и, отставив в сторону левую руку, посмотрел на часы. – Ну что ж, мне пора. Я должен ехать по делу. Буду нужен – разыщете. Только предупреждаю: больше при мне не делайте этих своих фокусов!

Милославская, едва сдерживая улыбку, распрощалась с Дмитрием Германовичем и покинула его офис.

ГЛАВА 5

Яна Борисовна сидела у открытого окна и перед маленьким круглым зеркальцем снимала косметику. Ее лицо слегка обвевал проникающий в комнату ветерок. На улице было тепло, даже жарко, но пахло уже как-то по-осеннему, хотя в разгаре и стоял еще летний месяц. Наслаждаясь этой необыкновенной порой, никак не названной в календаре, Милославская размышляла о только что минувшей встрече с Незнамовым.

Ее уже не веселил ни его испуг, ни недоумение его секретарши. Она всерьез думала о том, что поведало ей последнее видение. Милославской было понятно, зачем Галюся могла понадобиться бандитам. Если это те, из Питера, то они либо вернут девушку в обмен за власть на Нефтебазе, либо, не дай бог, уничтожат ее, выставив это угрозой жизни самого Незнамова. Если же это другие, не названные Дмитрием Германовичем его недоброжелатели, то они, возможно, вскоре должны были потребовать за Галюсю выкуп.

А телохранитель? Кому и зачем он мог понадобиться? Вот что по-настоящему будоражило мысли гадалки в этот момент. Его или отпустили, припугнув так, что он никогда уже не появится в городе, или, что вероятнее всего, убили.

С прихожей донеслось довольное поскуливание. Яна обернулась. Джемма стояла напротив двери и энергично виляла хвостом. Заметив взгляд хозяйки, она звучно гавкнула. Внезапно раздавшийся звонок заставил Милославскую вздрогнуть. Вот отчего так волновалась ее любимица! Гостя почувствовала! Но кто это мог быть? Гадалке никого не хотелось в тот миг принимать. После сеанса, как это всегда бывало, она чувствовала себя разбитой.

Благодарственно погладив на ходу собаку, гадалка пошла открывать. Обуваясь, она крикнула с крыльца:

– Кто там?

– Кто? Кто? – раздался из-за калитки недовольный мужской голос. – Заперлась на все засовы средь бела дня!

Яна Борисовна сразу же узнала своего давнего приятеля, Семена Семеновича Руденко. Правда, гораздо чаще его называли Три Семерки. Прозвище стало своеобразным наказанием Семена Семеныча за его неуемное пристрастие к одноименному портвейну. Нет, ни пьяницей, ни алкоголиком он не был, но принять рюмочку-другую из заветной бутылочки с этикеткой «Три Семерки» никогда бы не отказался. Уже долгие годы он не изменял этому напитку, не обращая внимания на увеличивающийся с каждым годом ассортимент российского алкоголя.

Между Милославской и Руденко давно установились дружеские отношения. Правда, дружба эта была в основном по работе. Они часто журили друг друга за это, но тем не менее факт оставался фактом. Яна, расследуя то или иное дело, порой была вынуждена обращаться за помощью к представителям органов, каковым и являлся ее приятель, Семен Семеныч.

Руденко далеко не всегда горел желанием сотрудничать с Яной Борисовной, иронически относясь к ее «потусторонней» деятельности. Даже когда факт Яниной правоты был налицо, Три Семерки выворачивался наизнанку, лишь бы доказать, что случившееся не более, чем «дикое совпадение».

Милославской, тем не менее, практически всегда удавалось «уболтать» друга идти в одну с ней ногу, хотя тот порой и рисковал лишиться звездочки на погонах, а то и работы.

Семен Семеныч был мужчиной средних лет, однако звание капитана милиции он получил совсем недавно. Проблема заключалась не в равнодушном отношении к работе, ни в лени, ни в отсутствии добросовестности (этого, напротив, у Руденко было столько, сколько нужно и даже более того). Три Семерки всего-навсего относился к категории людей, которые в силу своего характера, и, возможно, недостаточной смышлености, а, может быть, и просто по невезению, до самой пенсии сидят-посиживают на оной и той же ступени служебной лестницы, выше которой им при всем старании не перепрыгнуть. Некоторые называют таких, как он, неудачниками.

Званием капитана Руденко очень гордился, радуясь, что его наконец-то оценили по достоинству. Однако в глубине души он понимал, что многим обязан Милославской. Яна на самом деле сыграла немаловажную роль в карьерном росте Семена Семеныча. Она не стремилась к этому, все выходило само собой.

Помогая своим клиентам, гадалка часто прибегала к помощи Руденко, поскольку «милицейские» услуги требовались ей довольно часто. Отпечатки пальцев, фоторобот, экспертиза, – во всем этом Три Семерки был ей первым помощником. Это сотрудничество, как правило, оказывалось выгодным им обоим, поскольку не могло не сказаться положительно на количестве раскрываемых «милицией» преступлений. При этом мысль об извлечении какой-то корысти из отношений с Яной Борисовной Руденко никогда не только не преследовала, но и вообще не возникала.

Милославская была одинока, а Руденко – женат, но это не мешало их общению, поскольку никакой любви, кроме платонической, основанной только и только на дружбе, между этими мужчиной и женщиной не существовало.

– Чего закрылась-то так основательно? – спросил Руденко, слыша, как Яна отодвигает задвижку.

– Да я отдыхать собиралась, – ответила Милославская, – устала ужасно.

– А-а… – саркастично протянул Три Семерки. – Поди ворожила опять? Весь дух свой неведомым силам передала?

Яна к тому моменту уже открыла калитку и, улыбаясь смотрела на раскрасневшегося от жары (или еще от чего-то?) Семена Семеныча.

– Хватит тебе бурчать-то, – ласково промурлыкала она, взяв его под локоть и прижавшись к нему щекой, – проходи давай.

– Прохожу, прохожу, – сразу оттаяв, пробормотал себе под нос Руденко и виновато кашлянул.

Когда он зашел в дом, настроение его и вовсе переменилось.

– Я не очень помешал-то? – спросил он, окинув взглядом Янин пеньюар. – Не вовремя?

– Друзья не бывают не вовремя, – ответила Милославская. – Подумать только! Мы не виделись больше месяца!

– Так ты же уезжала, – напомнил Семен Семеныч. – Как отдохнула? Я зверски волновался, когда по телеку про смерч передали! Думаю – как она там?! Сегодня весь день тебе названивал, а у тебя только длинные гудки.

– Я, слава богу, успела к тому времени уехать. А ведь столько людей там погибло! Ну да ладно. Как ты? Рассказывай. Как на работе?

– Нет-не-ет, – прищурившись и грозя указательным пальцем, хитро протянул Три Семерки. – Я тебе первой слово предоставил. Что-то ты уходишь от ответа… Небось роман курортный какой-нибудь, а? Признавайся, о чем умалчиваешь!

– Да что ты Сема! – неожиданно для самой себя покраснев и прыснув, воскликнула Яна. – Какой роман! Нашел тоже мне молодую!

– Ой, Яна! Вот этого, я тебя прошу, не надо! Не надо прибедняться! Тебе до зрелости-то еще далеко, а до старости и подавно! Твоей внешности любая молодуха может позавидовать! Колись, давай! Было?

– Да ну тебя! – Яна рассмеялась.

– Ага-а… – Три Семерки еще больше прищурился. – Значит, было… – Руденко, в предвкушении, смачно провел правой рукой по своим роскошным усам. – Кто он? Маг? Телепат? Колдун-ворожила? – Семен Семеныч не удержался от своей традиционной иронии относительно Яниного дара.

– Да не было ничего! – серьезно, немного обидевшись, протянула Милославская.

– Так уж и ничего? – тоже уже серьезно, произнес Семен Семеныч. – Да они чего, мужики, охренели что ли?!

– Сема! – укоризненно воскликнула гадалка. – Сколько раз я просила тебя не выражаться!

– Ну я на самом деле им изумляюсь! Неужели никто не обратил на тебя внимания?

– Обратил, обратил, – опять почему-то покраснев, пробормотала Яна и серьезно добавила: – Но не более того!

Понимая, что разговор начинает уходить в ненужное ни ей, ни ему эмоциональное русло, Три Семерки решил оставить эту тему и спросил:

– А у тебя на обед чего? – и хищнически зыркнул в сторону холодильника.

– Каша из топора… – виновато вздохнув, протянула Милославская.

– Понятно… Питание в южных пунктах общепита не разбудило в тебе потребности в человеческой пище…

– Сема, ты отсталый человек! Сейчас столовые уже е те, тем более на курорте. Конкуренция заставляет… Могу предложить кофе.

– Валяй, – зевнув и махнув рукой, протянул Руденко. – Мне будет чем заполнить время, пока ты будешь собираться.

– Куда? – удивленно спросила гадалка.

– В кафе, – пожав плечами, невозмутимо произнес Семен Семеныч. – Не оставлю же я тебя умирать голодной смертью!

– Товарищ капитан, вы преувеличиваете! – улыбаясь, протянула Яна, ставя на огонь свою серебряную джезву.

Она собиралась отказаться, потому что сегодня ей как никогда хотелось побыть дома, отдохнуть от городской суеты, пыли, толкотни. Однако умная мысль, пришедшая вовремя, помешала Милославской ответить отказом на предложение приятеля. Его помощь так ей была нужна!

– И чтобы я без тебя делала! – вздохнув, совершенно другим тоном, протянула она.

Три Семерки удивленно посмотрел на нее и звучно почесал в своем коротко стриженном затылке. Лицо его в этот момент выражало полное самодовольство.

– Ну что ж, – через несколько минут произнесла Милославская, ставя перед ним кофе, – оставляю тебя в одиночестве?

– Да, да, – пробормотал Руденко, опустошая сахарницу, – только побыстрей давай.

Яна удалилась в комнату. Она открыла шифоньер и застыла напротив него. Но задуматься ее заставил отнюдь не выбор гардероба. Ее тревожила мысль о том, что телохранитель дочери Незнамова, вероятнее всего, убит, и подтвердить это предположение может криминальная сводка последних дней, ознакомить Яну с которой в силах не кто иной как Три Семерки. Примерный возраст парня, его внешность Милославская знала, поэтому среди усопших «кандидатов» не затруднилась бы выделить.

– Иф! – громко донеслось с кухни.

– Ты чего там? – очнувшись, крикнула гадалка.

– Обжегся, елки-палки.

– Осторожнее, – хихикнув, ответила Яна и стала собираться, сняв с вешалки то, что висело как раз напротив нее.

– Мои признания… – протянул Руденко, выпуская изо рта струйку дыма. – Выглядишь на все сто!

Он уже разделался с кофе и «закусывал» его сигаретой, вытащенной из Яниной пачки, валявшейся на столе. Привыкнув к руденковским комплиментам, Милославская ничего не ответила и, брызгая на себя туалетной водой, стоявшей на полочке возле коридорного зеркала, сказала:

– Давай сначала поработаем.

Лицо Семена Семеныча заметно вытянулось, поэтому гадалка поспешила добавить:

– Чтобы кушать потом никуда не торопясь.

Три Семерки не менялся в лице. Он никак не мог понять, к чему клонит его подруга. Вернее, определенные догадки терзали его сознание, но он не решался произнести их вслух, боясь выставить себя на смех. Яна вскоре пришла ему на помощь, предупредительно заявив:

– Да-да, Сема, ты думаешь верно: мне нужна твоя профессиональная помощь. Ведь раздобыть криминальную сводку для тебя не проблема?

– Не-е, – с каким-то глупым видом протянул Три Семерки. Немного помолчав, он нерешительно спросил: – Неужели ты уже взялась за работу?

– Увы, да, – вздохнув, ответила Яна. Она всунула вторую ногу в туфлю и, кивнув, бросила приятелю: – Ну что ж, я готова!

– Яна! – словно очнувшись ото сна, воскликнул Три Семерки. – Да ты не жалеешь себя! Пошли ты к черту их всех хотя бы на месяц-другой!

– А кормить меня кто будет? – глядя Руденко прямо в глаза тихо произнесла гадалка.

Вопрос застал его врасплох, и он, искусственно кашлянув и бормоча что-то неразборчивое, тоже направился к порогу.

«Шестерка» Семена Семеныча стояла немного поодаль от двора Яны, там, где падало больше тени. Она была очень старой, повидавшей многое на своем веку, прошедшей, как говорится, огни и воды, поэтому Три Семерки старался не подвергать ее лишним «стрессам», так как их в ее «жизни» и без того хватало.

Несмотря на то, что машинешка могла заглохнуть в самый неподходящий момент, Руденко очень ценил ее: гораздо чаще она его выручала. И в личной жизни, и в профессиональной. На дачу съездить – пожалуйста, по работе – да ради бога!

Яна тоже уважала эту старушку, а порой и просто молилась на нее: успех ведомого ею дела слишком часто зависел от того, как скоро домчит ее

руденковское авто в нужное место.

Когда приятели уселись в машину, и мотор ее привычно затарахтел, Семен Семеныч, мучимый укорами совести за несвоевременность пришедшей мысли, опустив глаза спросил:

– Тебе, может, взаймы дать?

Яна расхохоталась и дружески похлопав Три Семерки по плечу, протянула:

– Мать Тереза ты моя-а! – посмеявшись, она добавила: – Нет, Сема, я еще не дошла до той черты бедности, которая принудила бы меня ополовинить зарплату простого мента.

– А зачем же тогда?… Не понимаю!

– Да просто человеку помощь нужна.

– Так бы сразу и сказала, – буркнул Руденко. – Опять шуры-муры ее кому-то понадобились… – бросил он в сторону, резко выкручивая руль.

ГЛАВА 6

Мимо мелькали дома и домишки, тополя с запыленной листвой, базарчики, автостоянки и многое-многое другое, чем этот городок не отличался от сотен и сотен других таких же.

Дорога предстояла по городским меркам не близкая, поэтому у Яны было время поговорить о делах самого Семена Семеныча. Она знала, что у него всегда есть что-то кипящее на душе, что терзало его на работе и чем он несказанно рад был поделиться. Он любил говорить об этом с ней, с Яной, потому что она терпеливо выслушивала его до конца, не перебивала, даже если он позволял себя вставить крепкое словцо, не задавала глупых вопросов, как, например, жена, и вообще, внимала всему с пониманием дела, ведь по большому счету, они являлись своего рода коллегами.

Район, в котором теперь проживала Милославская назывался Агафоновкой, то ли в честь какого-то Агафона, то ли еще почему-то. Он являл собой по сути дела самое обыкновенное захолустье. Но в тот период, когда гадалка лишилась семьи, ей так хотелось того редкого уединения, которое можно ощутить только живя где-нибудь на далекой окраине. Она быстро привыкла к этому месту и сейчас уже ничего другого пожелать не могла.

Единственным неудобством по-прежнему являлось то, что до центра нужно было долго добираться. Зато когда, как теперь, она ехала туда с приятелем, они получали несравненный шанс наговориться обо всем, а не только о работе.

Так и сейчас, Семен Семеныч успел «поплакаться» на регулярные незаслуженные головомойки от начальства, на неоплачиваемые дополнительно милицейские «усиления», на разгул преступности и на многое другое, касающееся работы. Потом он перешел к домашним проблемам, главную из которых являл собой его наследник – единственный и неповторимый.

Нет, он, конечно, не был отпетым хулиганом, но Семену Семенычу приходилось гораздо чаще, чем того хотелось бы, прикладывать руку к его «воспитанию», с которым супруга Руденко подчас не справлялась.

Три Семерки понимал, что вечно занятой папаша не вправе ожидать лучшего от своего чада, которому он уделял слишком мало времени. Роль воспитателя в их семье главным образом выполняла жена, мягкая и добросердечная о природы. А мальчишке, сорванцу и оторвяге чуть ли не с самых пленок это только вредило. Расслабляло, разнуздывало…

Когда Семен Семеныч смотрел на другие похожие семьи, у которых тем не менее шло все «как у людей», он дико злился и «брался» за воспитание.

– Я вот иногда думаю, – сдвинув брови, обратился он к Милославкой, – а может для мальчишки, будущего мужика, и лучше быть таким, а?

– Лучше, лучше, Сема, – согласилась гадалка, зная, что сегодня же или в ближайшие дни Руденко все равно «всыпет» сыну за «все хорошее».

Приятели между тем находились уже в центральной части города. Семен Семеныч с соблазном поглядывал на мелькающие вывески кафе.

– Сема-а, – протянула гадалка, дотронувшись до его руки, – сначала работа.

– Будь она неладна! – пробормотал Три Семерки, но тем не менее повернул на улицу, ведущую к соответствующему отделу.

Место это Милославской было уже знакомо, так как она не раз бывала в нем с Руденко, поэтому и вздохнула с облегчением, радуясь, что он не стал ей перечить.

– Яна Борисовна, – произнес Семен Семеныч, вынимая ключи зажигания, – ты наверное тут побудь. Пощади свою психику.

Милославская уже успела описать приятелю Галюсиного телохранителя, и он кое-что начеркал по этому поводу в своем блокноте. Поэтому Яна не стала настаивать. Она знала – если объявится хоть кто-то мало-мальски похожий на того, кого она ищет, Три Семерки позовет ее.

Руденко скрылся за массивной засаленной деревянной дверью с узорчатой железной толстенной ручкой, а Яна отыскала в радиоприемнике любимую волну и, откинувшись на спинку кресла, закрыла глаза.

Репертуар «Радио-Ностальжи» никогда не разочаровывал ее. Милославская наслаждалась теми мелодиями, которые с детства были ей знакомы, которые любила ее мама, отец, которые слушала она со своим мужем, когда они только-только начали встречаться. Яна слушала и грустила, и ей казалось в такие моменты, что все лучшее в ее жизни осталось далеко позади. Но все равно эта печаль была какой-то тихой и доброй, она успокаивала, поила душу непонятными силами.

Гадалке нравился и сам стиль передачи. Не было лишней болтовни придурковатых диджеев, абсолютно бессмысленных передаваний приветов друзьям, мамам-папам, сидящим рядом, викторин с идиотскими вопросами и многого другого, отчего, на взгляд Милославской менеджерам передач давно следовало бы отказаться.

На некоторое время она окунулась в сладкую полудрему. Такие моменты сна удивительно восстанавливали ее силы. Прикорнув минут на пятнадцать-двадцать, она поднималась и бралась за домашние дела, переделав в конечном итоге все то, на что давно рука не поднималась.

– Ту-туру-ту-ту! – прозвучало через некоторое время под самым ее ухом.

Яна вздрогнула от неожиданности и открыла глаза. Наполовину засунув голову в открытое окно, Руденко приложил кулак к губам и трубил в него, словно в никем не изобретенный еще еще инструмент.

– Сумасшедший! – с шутливой строгостью воскликнула гадалка, которая поначалу внутренне произнесла это слово на полном серьезе.

– Я самый обаятельный и привлека-ательный! – тоном разомлевшего на солнце кота протянул Три Семерки, усаживаясь за руль.

Милославская обрадовалась такому веселому настрою приятеля, так как, по ее мнению, он не мог быть ничем иным как свидетельством его удачного похода к коллегам. Именно поэтому она одобрительно произнесла:

– И все женщины оборачиваются тебе вслед!

– Да-а, – протянул Семен Семеныч. – Вообще-то, нет! Во как: я иду, а они, сраженные наповал, штабелями, штабелями, штабелями!

Яна рассмеялась. Руденко никогда не был бабником, а тут вдруг так разошелся! Как выяснилось, его раззадорили анекдоты на эту тему, которые успели ему рассказать в отделе. К несчастью гадалки, они же, увы, были и единственной причиной его веселости. Когда она наконец сказала:

– Сема, колись же наконец, каков ответ?

– Что? – удивленно спросил тот. – А-а, ответ! Ответ? Ответ – отрицательный. Никого подходящего среди усопших, царство им небесное, нет. Как на подбор – одни бомжи, алкаши-утопленники, самоубийцы-истерички… – в заключении Три Семерки развел руками и прищелкнул языком.

– М-м-м, – разочаровано протянула Милославская. – А я уж надеялась… – гадалка с грустью вздохнула.

– Не тоскуй! – воскликнул Руденко, видя ее уныние, и похлопал подругу по плечу. – Где наша не пропадала? Прорвемся! – А потом вдруг совершенно неожиданно завершил: – Жрать хочу как собака! – Три Семерки резко нажал на газ и «жигуленок» сорвался с места.

– Ты неисправим, – почему-то безутешно произнесла гадалка.

ГЛАВА 7

– Помяни, помяни, Яночка, – кивая головой, утвердительно бормотала соседка Милославской, протягивая ей тарелку с пирожками, судя по дымку, только что снятыми со сковороды.

– Угу, – потирая заспанные глаза отвечала гадалка.

– Помяни, хороший человек был! Вот как сейчас помню…

Соседка зашлась очередным рассказом, на которые она была большой мастерицей. Рассказывала так – заслушаешься. Правда, по улице ходили слухи, что половину та на ходу придумывает. Придумывает так придумывает – Милославская никогда не была против и внимала соседке до последней точки в ее истории. Всегда, но только не теперь…

Во-первых, она стояла в калитке в одной ночной сорочке. Тетя Даша забарабанила в окно так, что Яна подумала: «Беда!» и полетела открывать в ночной сорочке. Во-вторых, нагревшаяся от пирожков тарелка жгла ей руки. В третьих, она еще наполовину спала.

– Зайдите! – облизывая кончики обожженных пальцев, воскликнула гадалка.

– Ой, нет! Мне нынче некогда! – закудахтала бестолковая соседка и принялась «досказывать».

Переминаясь с ноги на ногу, Милославская послушала еще с полминуты и воскликнула:

– А! Чайник! – и с этими словами бросилась в дом.

Никакого чайника на самом деле, конечно, не было. Вернее, он был. Но не на плите, а в безопасном месте. Пришлось соврать, чтобы выйти из положения. Ложь, как говорится, во спасение. Не хотелось тетю Дашу обидеть.

Соседка, сочувственно всплеснув руками, убралась восвояси, а Яна, сон которой к тому времени развеялся, приступила к утренним процедурам.

Гадалка, если бы не тетя Даша, не планировала вставать так рано, поскольку легла позднее обычного. Просидев с оголодавшим Руденко в кафе битый час, она рассталась с ним, так как он спешил по работе, но домой не поехала. Гадать в тот день экстрасенс больше не могла, так как вся ее таинственная энергия была уже исчерпана, поэтому она отправилась на посиделки к одной из давних подруг, время за разговором с которой пролетело незаметно: когда обе очнулись – на улице стемнело. До дома Яна добралась около полуночи, а в постель легла и того позднее.

Умывшись и окончательно придя в себя, она не ругала тетю Дашу за ранний визит. Но не потому что та обеспечила гадалку завтраком. Соседка негаданно-нежданно натолкнула Милославскую на нужную мысль.

«Царство небесное упокойничку,» – щебетала она, и щебетанье это стояло сейчас в ушах у гадалки. Раздумья ее вдруг обратились к итогам минувшего дня, и она вспомнила о телохранителе, судьба которого оставалась загадкой.

– Царство живых! – воскликнула Яна. – Оно мне поможет!

На самом деле – это было лучшим выходом из положения: взять карту и, обратившись к ней, узнать, «числится» ли еще среди живых незнамовский телохранитель.

Чего, казалось бы, проще? И зачем было вчера время терять на поездки с Руденко? Однако, не все коту масленица. У «потусторонних» возможностей

Милославской был свой предел.

К счастью, вчерашняя энергетическая «опустошенность» осталась позади, и теперь гадалка смело взялась за дело. На ходу взяв в руки колоду, она засеменила к своей постели и плюхнулась на нее.

Яна скрестила под собой ноги, положила «Царство живых» отдельно от других карт и попыталась отвлечься от посторонних звуков: доносящегося с какой-то дальней улицы крика охрипшего петуха, рычанья заводимого кем-то старика-автомобиля, движок, которого, казалось, вот-вот «сдохнет», и прочего шума, создаваемого мирской суетой.

Просидев безрезультатно около минуты, гадалка подумала, что ей, определенно, что-то мешает. Она открыла глаза и огляделась. Помехой оказалось махровое одеяло, которое она, вскочив после тети Дашиного стука, невольно скомкала. Сгрудившаяся, хотя и мягкая, материя и создавала ощущение дискомфорта.

Милославская поднялась, встряхнула ею и расстелила ее так, что можно было сказать: «Вот теперь без сучка, без задоринки». Затем она удовлетворенно опустилась на постель сама и, закрыв глаза, уверенно опустила ладонь на карту.

Около полуминуты ушло на абстрагирование от всего постороннего, а вслед за тем в кончиках пальцев стало ощущаться легкое покалывание, традиционно свидетельствующее о приближении видения – контакт начался.

Постепенно Яной овладело ощущение монолитности ее руки и карты, она практически не ощущала магический картон под ладонью. Казалось, их единство – это какое-то теплое пятно, стремительно разрастающееся и засасывающее гадалку в бездну.

Но лиц, жизнерадостных и печальных, разных, но главное – живых на этот раз она не увидела. Ей открылась картина куда более мрачная: замелькали кресты, иссохшиеся и совсем новые, пахнущие свежей древесиной, закружились в дьявольском танце кладбищенские венки с черными лентами, украшенными белыми надписями, а затем вереницей, как на конвейере, понеслись гробы, гробы, гробы.

Даже находясь в состоянии забытья, Милославская внутренне съежилась. Где-то в глубинах ее подсознания промелькнула мысль о том, что следом крышки гробов под сатанинскую музыку начнут открываться перед нею, и под одной из них она узнает Галюсю и ее телохранителя.

К счастью, это предчувствие, возбужденное, скорее, самым обыкновенным человеческим страхом перед смертью, ее обмануло. «Черный хаос» стал отодвигаться мощным потоком воды, который вскоре разлился в огромное тихое озеро, с маленьким островом посередине. На этом участке суши гадалка разглядела дочь Незнамова и того самого парня, которого Яна видела на фотографии в его офисе. Они стояли друг подле друга и смотрели в сторону, противоположную «черному хаосу». Печати смерти не было на их лицах.

Вся эта картина неожиданно свернулась в какой-то непонятной формы сгусток, как сворачивается подкисшее молоко при нагревании. Тепло, поначалу окутавшее гадалку, мощным энергетическим рывком вдруг покинуло ее тело, и она очнулась.

– Они оба живы… – еле слышно пролепетала она пересохшими губами. – Оба.

Около получаса Милославская провела в постели, восстанавливая необходимую для существования часть утраченный во время сеанса сил. Она не спала и не думала о деле. И если бы в этот момент кто-то ее спросил, о чем она размышляет, Яна вряд ли б нашлась, что ответить. В мышлении ее в этот момент проносились какие-то отрывочные бессмысленные, не взаимосвязанные между собой фразы и образы.

Джемма лежала в углу, положив голову на вытянутые передние лапы, и сквозь щелочки глаз наблюдала за хозяйкой. Когда Яна делала любое едва заметное движение, та навостряла уши и с надеждой смотрела на нее: собаке хотелось общения, которым она во время ведения Милославской какого-нибудь дела всегда была обделена.

– У-а-о, – наконец потягиваясь, позевнула гадалка, чувствуя, что тело ее не в силах больше находиться в одном положении.

Джемма тут же радостно поднялась на лапы и, подойдя к кровати, завиляла хвостом. Гадалка протянула руку, чтобы погладить любимицу, но звук

телефонного звонка, прорезавший тишину комнаты, помешал ей это сделать.

Не так давно Милославская обзавелась домашним радиотелефоном. Трубку можно было класть в удобном для нее месте. Вот и теперь ей не пришлось преодолевать себя, чтобы вскакивать и лететь отвечать на звонок в соседнюю комнату.

– Да, – апатично ответила она, предполагая услышать голос Руденко, которого наверняка интересовало, как она добралась до дома.

Однако гневный ор, который казалось, был способен трубку разнести на куски, заставил ее настроиться иначе.

Первые секунды гадалка и слов не могла разобрать, не могла определить, по адресу ли вообще попали. Адресант просто захлебывался негодованием и вряд ли сам понимал, есть ли какая-то связь в его словах.

Милославской вспомнились строчки Чуковского: «Погодите, медведь, не ревите, объясните, чего вы хотите!», и она была практически готова произнести их, как вдруг… В надрывающемся голосе она узнала Незнамова!

– Мошенница! Шарлатанка! – практически визжал он. – Козла отпущения нашла? А-а-а, – упиваясь собственным гневом, протянул он. – Не на того напала! Жива-а! Жива-а!

– Подождите! – возмущенно перебила его гадалка. – Что вы несете? В чем дело? Кто жива? Какое вы имеете пра…

– Я тебе покажу какое! – не унимался Незнамов. – Не в том ты лоха увидела! Мг… Да я… Д… Кх-кх-кх, – он закашлялся, поперхнувшись, наверное, избытком слюны.

– Пос-лу-шай-те! – громко отчеканила Яна, решив воспользоваться моментом. – Не считаете ли вы, что ваша обязанность – по меньшей мере вначале объяснится?! Я не имею ни малейшего понятия, чем вызвана вспышка вашего недовольства!

– Ах во-от как! – саркастично протянул Незнамов. – Не вы ли, многоуважаемая, утверждали… утверждали, – голос клиента Милославской дрогнул, – что дочь моя, единственная моя дочь жива?!

– Да… – без выского понятия о том, к чему клонит клиент, произнесла Яна.

– А что это? Вот это что? Я вас спрашиваю! – снова разразился криком Дмитрий Германович.

– Смею вам напомнить, – раздраженно произнесла Яна, – что я сейчас не вижу того, что слышу!

В то же время в голове у нее пронеслось: «Неужели с Галей что-то случилось? Нет, этого не может быть!»

– Ах, какая жалость! – саркастично процедил Незнамов. – Сегодня утром я прочитал в газете сообщение о смерти дочери! Как вы смели водить меня вокруг пальца? Почему сразу не сказали, что ни хрена не смыслите в этой своей магии?! Я, может быть, смог бы спасти ее, если б не связался с вами! – голос Дмитрия Германовича снова задрожал.

В душе Яны все затрепетало. Газетное объявление не могло быть сверстано позже того момента, когда она задавала вопрос «Царству живых», интересуясь в живых ли еще Галюся. Но не могло быть и того, что карты подвели ее! И вообще, кто автор этого объявления? Кто в обход отца, известил общество о своем страшном открытии?

– Вы уже видели Галю? – осмелилась спросить гадалка.

– Какое это имеет значение! – зло огрызнулся ее клиент.

– Огромное! – парировала Яна. – Вопреки вашему утверждению, я не шарлатанка и не мошенница и в свой адрес слышу такое, наверное, впервые. Карты не могут обмануть меня! Они, скорее, вообще бы отказались «работать»! Когда вы получили газету?

– Какая разни…

– Ответьте!

– Сегодня, – сдался Незнамов.

– Кто вам принес ее в такую рань? Здесь что-то нечисто!

– Хватить чушь молоть! Это с вашими картами и с вами нечисто! А мне всегда почту в это время доставляют!

– Вы на часы-то смотрели? Такого не бывает! Если только в вашем районе не завелся душевнобольной почтальон!

– А я договорился! Мне почта нужна еще до начала рабочего дня! Никакие психи в нашем районе не работают!

– Но кто опубликовал это?

На том конце провода вдруг установилось молчание. По видимому Незнамов, шокированный прочитанным, потерял всякую способность мыслить логически и даже не задался тем вопросом, который задала ему сейчас Милославская. Смешанное чувство горя, гнева и отчаяния целиком завладело им, не давая трезво оценить ситуацию.

– Вы не знаете! – воскликнула Милославская. – Едемте в газету!

– Да редакция еще не работает! Гляньте на часы! – Дмитрий Германович ставил гадалке в упрек то, к чему только что взывала она сама.

– Но согласитесь: дело ясное, что дело это темное! – взволнованно проговорила гадалка, в которой гораздо острее было чувство интереса и рабочего азарта, чем чувство обиды на слова клиента, брошенные в ее адрес.

– Темное… – не как единомышленник, но уже и не как враг проговорил Дмитрий Германович.

– Едемте… – гадалка осеклась на полуслове. – Едемте тогда в морг!

– Да, надо, – твердо ответил Незнамов.

Следом он бросил трубку. Милославская знала – сейчас не время набирать его номер и предлагать свое участие. Однако от участия этого она отказываться не собиралась.

Забыв об усталости, она поднялась с постели и стала собираться туда, где она посоветовала побывать клиенту. Яна подумала о своем утреннем гадании и червь сомнения шевельнулся где-то в глубине ее души. Может, «Царство живых» все-таки солгало первый раз, говоря о Галюсе, а о телохранителе сказало правду? Не он ли ее отправил в мир иной, разжившись престижным автомобилем и драгоценностями, на которые вряд ли был скуп ее папочка и к которым неравнодушны все женщины?

Наскоро приняв душ и облачившись в костюм, который первым попался ей на глаза, Милославская пару раз провела расческой по распущенным волосам, практически на ходу подкрасила губы и торопливо покинула свое жилище.

Скорым шагом она спустилась вниз, к шоссе, и взволнованно стала голосовать. Ветер трепал ее волосы, развевая их в разные стороны. Они падали на лицо, заставляя и без того взбудораженную Яну радраженно поправлять их.

Наконец, резко свернув к обочине, около нее притормозила какая-то старая, годов восьмидесятых, иномарка. Гадалка бросилась к двери и, приоткрыв ее, обратилась к водителю:

– До морга подбросите?

Тот выкатил глаза и присвистнул.

– Ничего себе направление! – заключил он, поправляя козырек бейсболки.

– Ну? – нахмурившись, настойчиво повторила Яна, сердясь на то, что парень задерживает ее.

– В таких ситуациях разве отказывают… – ответил он и кивнул на заднее сиденье.

Всю дорогу Милославская нервно теребила ремешок своей сумочки и напряженно вглядывалась вдаль, как бы пытаясь взглядом измерить оставшееся до нужного места расстояние. Оно сокращалось мучительно медленно. Во всяком случае ей это так казалось. Когда же взгляд гадалки падал на соответствующий прибор, она внутренне заключала, что водитель явно перебарщивает со скоростью.

И красный на светофорах, казалось, горел дольше обычного, и пробок на дорогах стало больше. Спросив разрешения у хозяина иномарки, гадалка закурила и стала кончиками пальцев постукивать по бедру.

Водитель то и дело поглядывал на нее в зеркало. Переживания Милославской, по-видимому и ему передавались. Он резко трогался с места после того, как загорался зеленый, и также резко тормозил, когда возникала такая необходимость.

Наконец впереди показался парк, за которым и располагался морг, место о котором люди даже думать избегают. В целях экономии времени, Милославская решила сойти здесь, так как чтобы подъехать к зданию вплотную, следовало сделать еще довольно большой круг по соседней улице. Яна перекинула ремешок сумочки через плечо и взялась за дверную ручку.

– Прошу вас, – обратился к ней водитель, – не выпрыгнете на ходу.

Поведение Яны во время дороги не исключало того, что она вполне способна это сделать. Милославская ничего не ответила и, когда парень притормозил, протянула ему заранее приготовленный полтинник. Тот отмахнулся, скривив лицо так, словно ему поднесли что-то тухлое.

Гадалка не стала настаивать, но не из радости сэкономить – ей просто некогда это было делать. Она уже и не верила почти, что встретится здесь с Незнамовым – путь его был значительно короче, да и сборы тоже (как Милославская ни спешила, а все же женщина есть женщина). Однако надежда на это все еще тлела, поэтому гадалка, звонко цокая каблучками, стала пересекать длинные аллеи парка. Ей никак нельзя было разминуться с клиентом, так как решение этого вопроса казалось гадалке теперь делом чести.

Яна пригибала голову, пытаясь за пышными ветками кустарников разглядеть, стоит ли возле входа незнамовская машина.

Да! Ее клиент подогнал свое авто к самой двери, туда, куда, наверное, только скорой подъезжать и разрешалось.

Повинуясь внутреннему порыву, гадалка побежала. Вдруг буквально в пяти метрах от машины она увидела самого Дмитрия Германовича. Сунув руки в карманы, он взволнованно широкими шагами мерил узенький чисто выметенный тротуарчик.

– Дмитрий Германович! – крикнула гадалка, хотя до ее клиента оставалось еще метров двести.

Он стал оглядываться по сторонам. Милославская подняла вверх правую руку и махнула Незнамову. Посмотрев направо-налево, он все-таки увидел ее. Встал, широко расставив ноги, не вынимая рук из карманов. Яна бежала ему навстречу, поправляя падающие на лицо волосы.

– Что? – не выдержав, крикнула она.

– А ничего! – вытянув голову вперед, похожий на разъяренного бульдога, закричал он в ответ.

Милославская, оторопев, остановилась и, хлопая глазами, стала смотреть на него. Застыв в одной позе и не меняя громовой мины, Дмитрий Германович пожирал ее глазами.

Гадалка снова двинулась вперед. Незнамов вдруг развернулся и быстро зашагал к двери, начав со всей силы стучать в нее обеими кулаками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/valeeva_anastasiya/ya-tebya-porodil

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить